

В. М. ГУССОВ

Историческая основа Моления Даниила Заточника

Настоящая статья является продолжением моего первого исследования „К вопросу о редакциях «Моления» Даниила Заточника“.¹ В течение почти полувека, не упуская из виду судьбы дальнейших изучений памятника и периодически возвращаясь к работе над ним, приходилось все чаще встречаться с фактами, подтверждающими, что „Моление“ действительно появилось в северном Переяславле (а не в южном), в XIII, а не в XII в., что, таким образом, так называемая „вторая“ его редакция является на самом деле первоначальной, а так называемая „первая“ представляет уже ее переделку.² Вместе с тем, ряд фактов позволяет в настоящее время связать „Моление“ с конкретными историческими событиями начала XIII в.

I

Со времени выхода в свет исследования акад. В. М. Истрина „Были ли Даниил Заточник действительно заточен“³ стало господствовать мнение, будто бы сочинение Даниила представляет собою прошение об определении на службу лица, ранее не служившего при княжеском дворе. Однако есть основание вернуться к старому мнению, высказанному рядом исследователей,⁴ полагавших, что Даниил был раньше „дворянином“ князя, затем лишился его милости и был удален с княжеского двора. Напомним показания текста старшей редакции, которые могут подтвердить это мнение.⁵

¹ Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете, Византийско-славянское отделение, т. V, и отдельно, Одесса, 1900.

² Старшинство так называемой „второй“ редакции подтверждается и автором статьи о Молении Даниила Заточника в издаваемой Институтом литературы АН СССР „Истории русской литературы“ (т. I, М.—Л., 1941, стр. 104).

³ Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете, т. X, 1902 и отдельно, Одесса, 1902.

⁴ Ф. И. Буслеев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 638.

⁵ Ссылки на тексты даются в дальнейшем изложении по изданию: Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Памятники древне-русской литературы, вып. 3, Л., 1932. Цитаты приводятся в упрощенной, сравнительно с изданием, орфографии.

1. „Вострубим, братие аки в златокванную трубу, в разум ума своего, начнем бити в сребреныя органы, и (возвеем)¹ мудрости, и ударим в мысли ума своего, поюще в богодохновенныя сверили, да восплачутся в нас душеполезныя помыслы“ (Унд. 53).

Заслуживают внимания соображения Д. В. Айналова о реальной основе этого пышного вступления к „Молению“:² „Метафорическое вступление Даниила имеет все черты строго реальной действительности“ (стр. 356). „Трубы, органы, свирели навялены в «Слове» Даниила княжескими играми и их потехами, участником которых он был, сам ставши славным игроцом на гусях. Только таким пониманием приступа можно хорошо объяснить и следующую непосредственно за приступом фразу: «Востани слава моя [в]³ псалтыри и [в]⁴ гусях»“ (стр. 361). „Среди дружины процветал прежде Даниил, сын рабыни князя,⁵ попавший в изгнание. К ней и ко князю обращается он в своем Молении“ (стр. 360).

2. „Но боюся, господине, похуления твоего, аки смоковница она проклятия. Не имею бо плода покаянию“ (Унд. 53).

Слова эти указывают на то, что автор кается в каком-то проступке, но его „покаяние“ не приносит плода и над ним продолжает тяготеть немилость князя.

3. „Толко аз един хожю во тме, отлучен света от очию твоею“ (Унд. 54).

Словом „отлучен“ автор дает понять, что когда-то он был при князе.

4. „Вси напаяются от обилия дому твоего; толко аз един жадаю милости твоя“ (Унд. 54).

Кто эти „вси“, как не все „дворяне“, все домочадцы князя? Нет оснований расширять это понятие „вси“ до всех подданных князя переславцев.

5. „Тем аз воию: помилуй мя, господине, гласом блуднаго сына“ (Унд. 62). Ср. в списке Чуд. (62): „зовый гласом блуднаго сына“.

Автор взывает к князю „гласом блуднаго сына“, следовательно, он находился в положении, аналогичном положению евангельского блуднаго сына, который ушел из дому, „согрешивши против неба и перед отцом“, бедствовал, раскаялся и вернулся в отчий дом, с мыслью просить отца принять его „в число своих наемников“. Покаявшийся Даниил также просит вернуть его в княжий двор, хотя и „блуднаго“, но все же сына, т. е. человека, бывшего когда-то своим человеком среди княжеских „дворян“.

¹ Так в списке Толстого, здесь и в Чуд. „во известие“.

² Два примечания к Слову Даниила Заточника. Изв. ОРЯС АН, т. XIII, 1903, кн. 1, стр. 352—365.

³ Так в списках так наз. I редакции, здесь пропущено.

⁴ Так в списках так наз. I редакции, здесь пропущено.

⁵ О происхождении Даниила см. статью: Н. К. Гудзий. К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник. Сборник статей к 40-летию уч. деят. акад. А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 431—482.

6. „Да не восплачюся аз, лишен милости твоея, аки Адам рая“ (Унд. 62).

Усиливая сравнение, автор прибегает и к другому библейскому образу: он уподобляет свою судьбу судьбе легендарного Адама, изгнанного из рая и оплакивающего свою потерю. Для Даниила потерянным раем представляется жизнь при княжеском дворе.

7. „Яко аз раб твой, сын рабыни твоея. И насыщаяся многообразных брашен, помяни мене, сух хлеб ядушаго“ (Унд. 65—66).

Даниил просит вспомнить его, следовательно, князь, по крайней мере, знал его, а может быть и пользовался его услугами, как своего „дворянина“.

8. „Тако и ты, княже, многи (многи слуги — Чуд.) совокупи, не токмо своя домочадца, но и от иных стран совокупи, притекающая к тебе“ (Унд. 66—67).

Если князь собирает даже „притекающих и из иных стран“, то тем больше ждет Даниил, что он „совокупит“ своих приближенных, а следовательно и его самого.

9. „Всякому дворянину тем имети честь и милость у князя. Ноли ему мыкаться, последуючи в скорбех“ (Унд. 68).

Всякий „дворянин“, т. е. принадлежащий ко двору князя, должен „имети честь и милость“, конечно, у своего, а не чужого князя, а не терпеть нужду, не скитаться без постоянного пристанища, т. е. не быть в том положении, в каком как раз находится сам автор.

Таким образом, текст „Моления“ содержит ряд достаточно веских доказательств принадлежности Даниила к бывшим княжеским „дворянам“. Точнее и чаще напоминать князю об этой старой службе, очевидно, не было надобности; к тому же и самый характер „Моления“, одной из композиционных особенностей которого являются, между прочим, недоговоренности, намеки, не требовал особого уточнения биографических данных.

2

К числу этих недоговоренностей, каких-то, видимо, биографических намеков, не раскрытых автором, относятся в „Молении“ признания в отсутствии храбрости и самозащитительные доводы: „Аще ти есм на рати не хоробр, но на словех ти есм крепок... Соломон рече: лучше един мудр десяти хоробрующих без ума... Данил рече: храбра, княже, борзо добудеши, а умныи дорог есть, зане умных дума добра. Тех бо и полцы крепцы, и гради тверды; инех же полцы силни, а без думы, и на тех бывает победа. Мнози бо ополчающесе на болшая грады с своих, с меньших сседают. Яко рече Святослав, сын Олжин, идя на Царьград с малою дружиною: не ведомо ны есть, братис, ити, граду ли от нас пленену быти, или будет нам от града погибнути. Аще бог по нас, то кто на ны. Рече бог: поражу и опят сотворю; воздвижу брани и уставлю мир. Неть храборства, ни дум противу мне. Всяко слово мое смерть

и живот... ты, княже, не сам впадаешь в печаль, но введут тя думцы... Умен муж не велми на рати хоробр бывает, но крепок в замыслех; да тем добро збирати мудрыя... Многажды бо и безнарядием полцы погибают" (Унд. 57- 58). Этот последний случай автор иллюстрирует рассказом о борьбе Святополка с Ярославом, о победе Боняка над уграми.

Весь этот обширный эпизод, имеющий целью противопоставить „едина мудра десяти хоробрующим без ума“, изложен в тоне самооправдания и носит явно биографический характер. Но в идеологической атмосфере средневековья, с его общепринятым, обязательным культом воинской доблести,¹ такое самопризнание могло быть вызвано только каким-то предварительным обоснованным обвинением.² Из текста „Моления“ видно, что какие-то „думцы“, „без ума хоробрующие“, толкнули князя на войну, которую он проиграл; „умные мужи, не велми на рати хоробрые“, как будто предсказывали эту неудачу. Таким „на рати не хоробрым“, но „на словах“ „крепким“ оказался и сам автор. Он впал в немилость у князя и теперь приводит все это длинное рассуждение о храбрых и мудрых для того, чтобы закончить его советом: „да тем добро збирати мудрыя“, т. е. снова приблизить и его самого.

В истории междукняжеской борьбы начала XIII в., в которую оказался вовлеченным и адресат „Моления“ — князь Ярослав Всеволодович, приведенный рассказ „Моления“ заставляет вспомнить события, предшествовавшие Липицкой битве 1216 г. В этом году между сыновьями Всеволода возникла усобица, в которой, с одной стороны, действовали князья Константин, Мстислав Удалой и другие, а с другой — Юрий и его верный союзник брат Ярослав Всеволодович, адресат „Моления“. Решительная битва произошла на реке Липице и окончилась полным поражением Юрия и Ярослава. Ростовская летопись сохранила рассказ о том, что перед битвой в стане Юрия и Ярослава был устроен пир, на котором был поднят вопрос о предстоящем сражении. Какой-то боярин высказался за примирение: „«Твори мир,³ князь Юрьи и Ярославе, меншаа братья в вашей воли, оже бы по моему гаданию луче бы мир сътворити и дати старейшинство князю Костянтину. Ци зрим, оже при наших полцех тех мало Ростиславля племяни, да князи мудри суть и рядни и хоробри, а мужи их Новгородци и Смоляне дерзи к боеви,

¹ В „Сказании о Борисе и Глебе“ идеал князя Борис — „в ратех хоробр, в советех мудр и разумен при всемь“ — Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба. П., 1916, стр. 52.

² Первый издатель редакции XIII в. „Моления“ В. Ундольский видел причину немилости князя к автору „в неискusstве последнего «в делах ратных»“. Русская беседа, 1856, кв. 2, стр. 7.

³ В Тверском сборнике, где отражена поздняя версия этого рассказа, боярин, выступавший против битвы, назван „Творимир“ — так осмыслены первые слова его речи; в противоположность ему, боярин, настаивавший на том, чтобы вступить в бой, назван „Ратибор“. См. об этом эпизоде выше в статье: Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче.

а Мьстислава Мьстиславича и сами ведаета в том племяни, оже дана ему от бога храбрость изо всех. А, господина, гадаета». И не люба бысть речь си князю Юрью и Ярославу“. Против этого предложения примириться выступил „некто бояр князь Юрьевых“ и „люба бысть речь князю Ярославу“.¹ Из этого определения второго боярина, как принадлежавшего к боярам князя Юрия, следует, что первый боярин, также не названный по имени, был из числа ярославовых приближенных.

Итак, речь боярина, взывавшего к примирению, не понравилась Ярославу, вызвала осуждение с его стороны. Нет оснований предполагать, что среди советников и дружинников князя только один упомянутый летописцем боярин был против вступления в бой с противниками. Если сделать единственное допущение, что среди разделявших мнение об опасности вступления в бой был и будущий автор „Моления“ и что он в самой битве обнаружил недостаток храбрости („аще ти есмь на рати не хоробр, но на словех ти есм крепок“), то мы имеем в данном случае наиболее правдоподобную из тех исторических ситуаций, которые могли вызвать появление в свет нашего памятника. Эта ситуация удовлетворительно объясняет и причину немилости и увольнения дружинника („отлучен света от очию твоею“) и смысл рассуждений о преимуществе мудрости перед храбростью.

В связи с неудачным исходом Липицкой битвы Ярослав вообще проявлял раздражение и даже пустил в ход репрессии, о чем свидетельствует, например, жестокая расправа, которую он учинил над смолянами и новгородцами, „иже бяху зашли гостьбою в землю его“ (Лавр. летоп., стлб. 500). В отношении своего дружинника, к тому же проявившего, как это видно из текста „Моления“, во время битвы трусость, наиболее вероятной мерой наказания было бы удаление, увольнение. Для заключения о заточении автора в тексте нет никаких данных, что и было впервые и убедительно доказано акад. В. М. Истриным.²

Итак, исключительные обстоятельства, предшествовавшие Липицкой битве, и поражение в ней Ярослава могут объяснить такую неожиданную в устах княжеского дружинника защиту „не хороброго на рати“, его рассуждения о „крепких в замыслех“ думцах и, наконец, просьбы о милости и советы „збирати мудрыя“.³

Доказательства преимущества ума перед храбростью приводятся в двух направлениях: 1) по связи с обстоятельствами, предшествовавшими Липицкой битве и следовавшими за нею, 2) при помощи исторических и библейских примеров и аналогий. Те и другие доказательства автор

¹ Полное собрание русских летописей, т. I, вып. 3, изд. 2, Л., 1928, стлб. 495.

² В списке Ундольского, вследствие неправильного перегиба листа в его оригинале пропущена фраза — „тем збирай храбрыя и совокупляй смысленя“, однако на логический ход мыслей изложения это не повлияло, и из других эпизодов, вошедших и в список Унд., ясно, что Даниил действительно видит „богатство“ царя и князя „во множестве храбрых и мудрых“ (Унд. 60).

³ Был ли Даниил Заточник действительно заточен. Одесса, 1902.

объединяет, не останавливаясь перед внесением тенденциозных изменений и дополнений в последние два вида аргументов, в целях придания им характера, более соответствующего событиям, связанным с Липицкой битвой.

Исходя из обстоятельств, предшествовавших Липицкой битве, как они описаны в летописи, нетрудно в „мудром“, „смысленном“ увидеть того боярина, который дал рассердивший Ярослава совет не вступать в битву. Это именно он „луче“ „десяти хоробрующих без ума“, „десяти владеющих городами“ — лучше, выше своей прозорливостью и умом тех князей и воевод, которые принимали участие в военном совете и стояли за вступление в бой. Подкрепляя свое рассуждение ссылкой на „Соломона“, автор „Моления“ произвольно меняет смысл того эпизода из Экклезиаста, на котором он основал свое противопоставление. В этом эпизоде противопоставление „мудрых“ „хоробрующим без ума“ или „владеющим городами“ как раз отсутствует: „Премудрость поможет мудрому паче десяти обладающих во граде“ (Эккл. VII, 20) — вот все, что автор нашел в изречениях Соломона. Чудовский список усиливает еще противопоставление, добавив: „десяти владеющих грады властелин без ума“ (стр. 57).

„Инех же полцы силни, а без думы, и на тех бывает победа“ (Унд. 57). Войско Юрия и Ярослава было гораздо многочисленнее, чем неприятельское, но „без думы“, вероятно имеются в виду ошибки командования, необдуманность вступления в бой. Отсюда „на тех победа“ — эти „силнии полцы“ оказались разбитыми.¹ Исторический намек можно видеть и в словах: „мнози бо ополчающеся на болшая грады с своих, с меньших, сседают“ (Унд. 57). Перед Липицкой битвой Юрий и Ярослав предполагали поделить между собой русские города и стали было скреплять этот дележ грамотами, а после битвы оказалось, что одному пришлось отделяться богатыми дарами, а другому поплатиться собственным столом.

Обширная ссылка на речь Святослава Игоревича к дружине под Царьградом (Лавр. летоп., под 971 г.) использована автором в тенденциозном изложении для того, чтобы оправдать сомнения, высказанные на военном совете перед Липицкой битвой: „неведомо ны есть, братие, ити: граду ли от нас пленену быти, или будет нам от града погибнути“. Так вольно передана речь Святослава перед битвой его „малой дружины“ с греческим войском, в десять раз превосходившим ее численностью, речь, смысл которой заключался в том, что лучше умереть, чем бежать с поля битвы. Признание неизбежности битвы — „уже нам некамо ся дети, волею или неволею стати противу“ — в изложении Даниила превратилось в сомнение в ее исходе — таким сомнением вряд ли можно было вдохновить войско перед боем. Речь Святослава из Повести временных лет продолжена у Даниила библейскими изречениями, смысл

¹ В Чудовском списке допущено искажение: „храбрых же полци силни а безумни“ (57).

которых сводится к тому, что и победа и поражение — все дается „волей божией“. Это окончательный и наиболее убедительный для средневекового мировоззрения довод, вполне подходивший и к объяснению исхода Липицкой битвы. Этот довод имел целью сгладить воспоминание о разногласии и споре княжеских советников перед битвой и примирить обе стороны ссылкой на неотвратимую „волю Божию“.

Придавая, видимо, большое значение этой аргументации „от писания“, Даниил изменял и дополнял цитируемые изречения из „Второзакония“ и „книги пророка Исаии“, применительно к обстоятельствам Липицкой битвы. Приводим для сравнения соответствующие цитаты:

Второзаконие

1. Аз убию и жити сотворю, поражу и аз исделю, и несть, иже измет от руку моею (XXXII, 39).

2. Како поженет един тысячи и два двигнета тмы (XXXII, 30).

3. Яко же глаголах, тако будет, и яко же соведях, тако пребудет (XIV, 24) (о бегстве и преследовании речи нет).

Моление

Поражу и опять сотворю, воздвижу брани и уставлю мир (57).

поженет един сто, а сто двигнета тмы (58).

яко же аз рку, тако будет; повелю бежати, то бежат, повелю гнати, то гонят (58).

Гиперболизм Второзакония („како поженет...“) получил у Даниила поправку в целях некоторого приближения к действительности, применительно к событиям Липицкой битвы. В древне-русских воинских повестях эта типичная формула „бьются один с тысячью, а два с тьмой“ сохраняется без изменения.

Отмеченные изменения библейских цитат пытались объяснять тем, будто Даниил приводил их по памяти.¹ Однако в данном случае мы имеем дело с сознательной переработкой текста в соответствии с определенным замыслом.

Такая же тенденциозность руководила Даниилом при использовании библейского рассказа об Иезекии и вавилонских послых (Исаия, XXXIX, 1—6). Этим послам Даниил приписывает мысль, которой они не высказывали, но которая соответствовала лейтмотиву „Моления“: „наши цари богатие тебе не множеством золота, но множеством храбрых и мудрых“ (Унд. 60). Вымышленные слова вавилонских послых понадобились автору для дополнения и подкрепления хорошо известной в среде дружинников и княжеских слуг со времен Владимира I мысли о том, что при помощи „мужей“ добывается „сребро и золото“, а не наоборот; наряду с „храбрыми“ особо выделяются „мудрые“, о которых собственно и хлопочет автор, рекомендуемый себя как „умного мужа“.²

¹ А. И. Лященко. Моление Даниила Заточника. СПб., 1896, стр. 11.

² В полном соответствии с этой основной мыслью автора о преимуществе мудрых перед храбрыми стоит и фраза: „Данил рече: храбра, княже, борзо добудеши, а умный дорог есть“, с помощью которой пытались обосновать позднейшее происхождение так наз. II редакции. Слова „Данил рече“ отделяют эту фразу от изречения Соломона и, можно думать, были вставлены позднейшим переписчиком для того, чтобы читатель

Среди добавленных к речи Святослава изречений обращает на себя особое внимание фраза: „Несть храборства, ни дум противу мне“ (бога) (Унд. 57). Эта сентенция была популярна в литературной среде переяславцев, современников автора „Моления“. В „Летописце Переяславля Суздальского“ мы встречаем ее по разным поводам под 1185 и 1186 гг.: „Несть мужества, ни есть думы противу богови“.¹ В применении к военному совету перед Липицкой битвой эта сентенция напоминает о двух настроениях на нем: представителем „мужества“ оказался „некто бояр князь Юрьевых“, выразителем „дум“ был неизвестный боярин, разгневавший Ярослава. Изречение дает основание для того, чтобы забыть прошлые распри, примирить представителей обеих групп на памятном для князя и дружинников военном совете.

К воспоминаниям о пире и военном совете перед Липицкой битвой автор возвращается и ниже: „Не море потопляет корабль, но ветры; тако и ты, княже, не сам впадаеши в печал, но введут тя думцы, не огонь творит ражжение железу, но надмение мешное“ (Унд. 58). „Печаль“ — поражение на Липице, виновники — „думцы“, толкнувшие на битву, т. е. те, чье мнение высказал „некто бояр князь Юрьевых“. Отсюда подразумевается, что правы были те, кто предостерегал на совете и, следовательно, был обвинен в трусости. Логически и следует затем их оправдание. „Умен муж не велми на рати хоробр бывает, но крепок в замыслех, да тем добро збирати мудрыя“ (Унд. 58). Этот афоризм, быть может, имеет и более близкую цель — оправдать не только автора, но даже и самого Ярослава, потерявшего в битве щем.

Значение приводимых Даниилом примеров из русской истории — о битве Ярослава Владимировича с Святополком и Боняка с уграми — было определено еще И. А. Шляпкиным в предисловии к изданию текста „Моления“. Эти примеры „свидетельствуют о необходимости умного распоряжения полками: если битвою мудро распоряжаются, то если и судит бог быть побежденным, все-таки не легко достанется победа. Пример Боняка особенно важен: известно, как часто страдал Переяславль от набега половцев...“² Можно добавить, что особо не приписал их Соломону. Слова „храбра, княже, борзо добудеши, а умный дорог есть“, — выражают главную идею „Моления“, как оно представлено списками так наз. II редакции, но зато и эти слова и другие варианты мысли о преимуществе мудрых перед храбрыми исключены из списков так называемой I редакции. Отсюда следует, что переделыватель „Моления“ отказался от этой главной идеи автора, в соответствии с тем, что он изменил и целеустремленность всего произведения, превратив его из личной просьбы автора в назидательное поучение общего характера. Важность фразы „Данил рече...“ для определения идеологии авторского текста была [отмечена еще П. А. Безсоновым (Москвитянин, 1856, II, № 7 и № 8).

¹ Эта сентенция заимствована из „Пчелы“ по первоначальному переводу (В. Семёнов. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893, стр. 40): „Соломси: Нест человеку мудрости, нест мужества, нест думы противу богови“.

² Слово Даниила Заточника. Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1889, стр. 18. Выбор примера, который заключал в себе намек на сопоставление противников Ярослава в Липицкой битве со Святополком, в глазах князя, видимо, по мнению автора, должен был заслужить одобрение.

живыми должны были быть в памяти Ярослава рассказы отца и брата и личные впечатления и воспоминания и о набегах половцев, и о Галиче, с которым преднамеренно Даниил связал битву Боняка с уграми, хотя в действительности она произошла у Перемышля. Оба исторических примера приведены в „Молении“ для того, чтобы намекнуть на имевшее место и в войске Ярослава „безнарядье“, послужившее основной причиной поражения его в Липицкой битве. Однако естественно, „Моление“ не дает прямого ответа на вопрос о том, кто же был виновником этого „безнарядья“.
